

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

**Читайте остросюжетные драмы
Аллы Холод в серии
«Психология преступления»:**

Рыцарь страха и упрека

Девочка из провинции

Человек без дождя

Персональный демон

Женщина перемен

Чужая гостья

Разбитое стекло

Разоренное гнездо

Судьба взаимы

АЛЛА
ХОЛОД

СУДЬБА
ВЗАИМЫ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х73

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Сазонова*

Холод, Алла.

Х73 Судьба займы : [роман] / Алла Холод. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Психология преступления. Детективы Аллы Холод).

ISBN 978-5-04-168385-6

Эдик верит в то, что некоторым из нас сама судьба дает шанс изменить свою жизнь, и хватается за возможность внезапно разбогатеть. Увы, случай, который он не захотел упустить, оказывается для него вовсе не счастливым. Эдик сходит с дистанции, но эстафету тут же подхватывает Варя. Она одинока, некрасива и бедна как церковная мышь, но обладает талантами, которые готова использовать, чтобы создать себе новую прекрасную жизнь. Купить ее. Или украсть. Или хотя бы взять займы...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Холод А., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство

«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168385-6

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Этого дня Варвара панически боялась, хотя и ожидала его приближения с чувством безысходной обреченности. И если чего-то хорошего можно ждать годами, а оно все не приходит и не приходит, то плохое случается непременно и, как правило, строго по расписанию, не заставляя себя долго ждать. Так и вышло. Не сработали ни мышинная возня, громко называемая «активными поисками», ни периодически применяемая тактика засовывания головы в песок — «пауза для осмысления ситуации», ни анабиоз, в который она пару раз впадала в тайной надежде, что по выходе из него все само собой чудесным образом преобразуется. Но ничего не преобразовывалось, не осмысливалось, не находилось. На счету зарплатной (совсем не смешно) карточки оставалось 23 рубля, а в кошельке печальным, если не сказать погребальным, звоном погромыхивала мелочь. Сегодня она напоминала Варваре серебристые чешуйки мелкой плотвы — вроде не сов-

сем пусто, но на самом деле — полный ноль. Ревизия кухонных ящиков показала, что в наличии остались два пакетика пшенной каши, незаконченная упаковка гороха, вермишель на одну порцию и подсолнечное масло — оно желтело на дне бутылки, не обещая ничего, кроме основы для одной-единственной яичницы. Впрочем, яиц (маленьких, самых дешевых, второй категории) и было лишь на одну глазунью. Еще в холодильнике фигурировали ничтожный кусочек сыра и остатки сливочного масла на порцию каши. Хлеба не было, мука если и имелась, то приготовить из нее Варвара все равно ничего не смогла бы: во-первых, не умела, во-вторых, к муке ведь нужны еще какие-то ингредиенты, а где их взять? Варвара подсчитала оставшийся картофель — четыре не очень презентабельных проросших клубня. Сколько ей предстоит прожить с такими ресурсами, Варвара не имела ни малейшего представления. Зато другие перспективы вырисовывались более или менее отчетливо: через неделю, если девушка не оплатит счет, у нее отключат интернет, денег на телефоне тоже практически не осталось. Связь с внешним миром истончалась с каждой минутой, и Варя ощущала это почти физически. Она даже перестала наведываться в шкафчик, где бережно

хранила свои карты Таро, к которым раньше обращалась по любому поводу, и книги, над которыми дрожала и перечитывала по сто раз. Некоторые Варя покупала сама, чтобы совершенствовать мастерство и множить знания о предмете, некоторые удавалось по случаю достать маме. Среди маминых находок были и редкие экземпляры. Только вот гадать теперь Варе не хотелось: прогнозы выпадали плохие, ничего радостного в раскладах Варвара не видела. И когда гадания стали отнимать слишком много эмоций и душевных сил, Варя просто перестала брать колоду в руки.

Сестре не позвонишь — раньше дня зарплаты беспокоить Соню нет смысла, у нее самой пусть и неплохое, но фиксированное жалование, да плюс двое детей и муж-жлобьяра, страшный, мягко сказать, эконом, которому на проблемы младшенькой Вари глубоко наплевать. Никаких мыслей не имелось, телефон молчал, сообщения не поступали, мессенджеры были девственно чисты, никто не проявлял к ней никакого интереса ни в соцсетях, ни как-либо иначе. Так плохо было не всегда, сравнительно недавно финансовая пропасть, в которую нынче так неумолимо катилась Варвара Семенова, даже ей самой не казалась глубокой. Оставшись без работы, первое время Варя не

склонна была излишне драматизировать ситуацию — с людьми происходят вещи и похуже, ей ли об этом не знать. Она закинула удочки повсюду, обзвонила всех хороших знакомых, повстречалась со всеми более и менее полезными людьми, разослала резюме и откликнулась на все не вызывающие опасений вакансии. Стала ждать. Она не голодала и даже не чувствовала себя так уж стесненно, потому что считала, что проблемы с работой временные. Она, конечно, уже не могла покупать новые вещи, посещать любимые заведения — неизвестно ведь, насколько растянется период неопределенности. Но с каждым днем омертвевший телефон усиливал ощущение, что эта неопределенность может затянуться. Скоро стало ясно, что растянуть надолго то, что осталось от мамы, не получится. Мама не любила дорогих украшений, не покупала их, потому продавать Варваре было уже почти нечего. После того как они с Соней поделили мамино наследство, у Вари остались оригинальная, увесистая золотая цепочка, два кольца с мелкими россыпями бриллиантов, довольно массивные серьги, подвеска, пара старинных монет и кое-что по мелочи. Имелось еще кольцо с одним бриллиантом весом в карат, но продавать его было чистым безумием: в скупке брали изде-

лия по весу золота, камни шли подарком ушлым девицам, которые объясняли всем клиентам, что реализовать изделия с драгоценными камнями можно только в ломбарде, выставив их на продажу за копейки. В ломбардах задорого изделия не брали, Варвара проверила, а дарить наглým девкам мамин бриллиант она не собиралась. В итоге она спустила все мамины украшения, кроме того самого кольца, потом свои собственные, куда менее значительные, сильно уступающие маминым в цене. Ресурсы таяли на глазах, а вопрос с работой не решался. Вернее, не то чтобы он не решался совсем: за весь полуторагодиный период своего вынужденного простоя Варвара дважды устраивалась на работу, но оба раза крайне неудачно. Сначала ее порекомендовали на декретное место пресс-секретаря в государственный заповедник, и она пошла было, хотя из памяти еще не стерлось собственное мрачное и тоскливое библиотечное прошлое, но стоило ей выйти на работу, как декретная мамаша резко поменяла планы и Варвару вежливо выбросили из темного пыльного кабинетика, лишив надежды даже на маленькую зарплату. Потом она оказалась на бессмысленной и малоперспективной должности распространителя новой рекламной газеты, где проработала

всего месяц. Но рекламная периодика, вопреки честолюбивым и совершенно не основанным на рыночных реалиях планам хозяев проекта, рекламу не собирала. Деньги сотрудникам, соответственно, не выплачивались. Варвара уже физически ощущала, что скольжение вниз идет по все более крутой траектории, и жизнь меняется в худшую сторону куда более стремительно, чем она могла бы предположить в своих самых пессимистичных прогнозах.

Сначала она перестала посещать рынок и покупать свежее мясо. Во-первых, на рынок надо было ехать на такси, а Варя обнаружила, что траты даже на это незатейливое и в общем-то недорогое удовольствие стали неподъемны для ее кошелька. (Общественным транспортом после начала пандемии Варя не пользовалась ни разу.) Во-вторых, на рынке, раз уж тратишься на дорогу, надо было «затариваться» хотя бы на несколько дней, а строить планы дальше «здесь и сейчас» Варвара давно уже не могла. Так что из ее рациона сначала исчезли говядина, домашняя птица и хорошие овощи. Их заменили дешевые магазинные куриные ножки, крылья и печенка, а также товары, ценники на которых обещали сниженную цену. Вслед за качественными

продуктами куда-то запропастились приятели и подружки, коллеги, сокурсники, не говоря уже о просто знакомых. Постепенно Варя перешла на копеечный шампунь российского производства, а от гелей для душа отказалась вовсе, потом перестала красить голову, и ее волосы вернули себе природный мышиный цвет. Но и это было еще не самое худшее. В один момент девушка обнаружила, что продавать больше нечего, а подработки совсем не стало. Долги за коммуналку выросли до таких сумм, которые Варвара предпочитала не знать: она складывала счета в файллик, стараясь не заглядывать в них, чтобы не усугублять прогрессирующую депрессию. Пришлось предложить свои услуги доброй знакомой, хозяйке маникюрного салона, где раньше Варвара холила свои ногти. Теперь же она два раза в неделю мыла в салоне полы и чистила раковины, зная, что хозяйка — женщина деликатная и, сочувствуя ее обстоятельствам, не станет болтать о ее бедственном положении при общих знакомых. Денег стало не просто не хватать, близилась полная финансовая катастрофа. И посоветоваться было не с кем, мама ушла и никогда больше не вернется...

Пока была жива Вера Матвеевна, Варя жила как за каменной стеной. Мама была не

только мерилom всех жизненных ценностей, но и надежным форпостом в повседневной жизни. Вера Матвеевна Семенова являлась специалистом, к которому страждущие выстраивались в очередь. Чтобы попасть к ней в обход задолго распланированного расписания, нужно было обладать особыми знакомствами. Покойная мама Варвары Семеновички была иглорефлексотерапевтом редчайшего таланта и уникальных знаний. Она была широко известна за рубежом, ее часто приглашали на азиатские симпозиумы, семинары и конференции по акупунктуре, о ней упоминали в монографиях и статьях иностранные специалисты, журналисты часто брали у нее интервью, ее снимали в документальном кино не только региональные, но и столичные телеканалы. Словом, Варина мама была знаменитостью, но самое главное, действительно очень хорошим врачом и добрым, скромным человеком. Как у многих востребованных медиков, у нее имелись в этой жизни большие преимущества — для Веры Матвеевны были открыты все двери. К кому бы она ни обращалась, никто и никогда ни в чем ей не отказывал. Она помогала людям, и пациенты старались платить ей той же монетой. После «факультета невест», коим во все времена яв-

лялся филфак, Варвара на некоторое время оказалась в областной библиотеке имени Никитина на рядовой неприметной должности, но мама обещала, что ее пребывание там не будет долгим, и Варя поверила. Девочка ожидала рутины и библиотечной смертной скуки, но оказалось, что в священных стенах царят правила серпентария. Пожившие библиотекарьши возненавидели Варвару с первого дня. Не звали на чай, не обращались по имени, называя либо «голубушкой», либо «деткой», а за глаза активно обсуждали, куда именно метит новопривывшая: в вожделенную, но недосыгаемую синекуру — областной департамент культуры, куда библиотека входила как структурное подразделение, или в один из теплых кабинетов на втором этаже, где гнездилась администрация учреждения. Варвара абстрагировалась, делала вид, что ничего не замечает, и ждала, когда мама исполнит свое обещание. И в один прекрасный день — а он действительно был замечательным — мама отправила Варю к какому-то большому телевизионному начальнику, который обещал девушке место редактора в какой-то там редакции — от нахлынувшей волны восторга Варя даже не поняла, какой именно. Да и разве это имело значение? После унылых библиотеч-

но-террариумных будней само слово «телевидение» звучало как волшебная музыка.

Варваре повезло: она попала в коммерческий проект, бригаду, которая работала на серьезного мебельного олигарха, поставившего себе целью в кратчайший срок попасть на региональный политический олимп. И, как поговаривали, попробовать себя на следующих губернаторских выборах. Олигарх был мужик умный, улыбчивый, позитивный, построивший бизнес своими предпринимательскими талантами, но ужасно косноязычный и словоблудный. Если его начинало нести, было невозможно предугадать, куда в итоге вывезет. На телевидении, где каждая секунда была считана, да еще и стоила безумных денег, такой формат не предусматривался, поэтому с магнатом работали сразу несколько человек. Сначала к нему выезжал корреспондент, который записывал интервью — то есть все мысли и то словоблудие, на которое господин Черемушкин оказывался способен, потом текст расшифровывался и попадал к руководителю бригады — Вике Бегуновой. Вика сама писать то ли не умела, то ли просто не хотела, но правильно ставить задачи у нее получалось. От нее Варвара получала указание, какие именно мысли должны прозвучать

в эфире, а уж делом Вари было отредактировать расшифрованное интервью таким образом, чтобы в нем не осталось ничего лишнего. Ну и чтобы звучало все красиво и объемно. После Вариной обработки текст вновь попадал к Вике, которая тщательнейшим образом размечала его особыми знаками — здесь герой передачи должен улыбнуться, здесь сделать многозначительную паузу, а здесь просто поднять бровь... Что и говорить, Вика умела «подать» человека. В итоге, когда делали запись набело, оказывалось, что в студии вместо косноязычного мужика, у которого каждое веское слово удивительным образом обрастало долгими минутами невнятной бубнежки, которую трудно переварить, появлялся оратор, бьющий не в бровь, а в глаз. Это был многоступенчатый труд, но дело того стоило: команда телевизионщиков «вырастила» президента из мастера цеха. Некоторое время усиленной телевизионной дрессировки — и господин Черемушкин и вне студии стал говорить как по писаному. Ах какое это было счастливое время! Помимо положенных бригаде коммерческих выплат, магнат регулярно стимулировал свой коллектив, но разве дело только в деньгах? У них была сплоченная команда, маленькая, но очень дружная и про-